

УДК 310

Женский исламизм – феномен XXI века**Балтанова Г.Р.**

Доктор философских наук,
профессор кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В статье исследуется феномен женского исламизма, который возник во второй половине XX в., но крайнего выражения достиг в нынешнем веке в деятельности террористической группировки Исламское государство. Анализируются различные направления современной женской исламской активности и их религиозное обоснование в священных источниках.

Ключевые слова: женский исламизм, терроризм, радикализм, халифатизм, исламское государство.

Женский исламизм возник не так давно, всего несколько десятилетий назад. Но за короткое время он достиг своего апогея в рамках террористической группировки Исламское государство (ИГ). Под черным знаменем провозглашенного в июне 2014 г. халифата обозначилась новая дихотомия – весь мир делится на две части – халифат, представляющий истинный ислам, и весь остальной мир, погрязший в неверии (куфр), многобожии (ширк) и неминуемо приближающийся к закономерному концу – Йаум ад-Дин (День религии, Судный день). Лидеры, ученые и рядовые граждане ортодоксальных мусульманских стран относятся ко второй категории. Сюда же идеологи ИГ относят и российских мусульман. За исключением тех, кто уже мигрировал в ИГ или намеревается сделать это.

Один из американских экспертов Г. Вуд в своей статье «Чего хочет ИГИЛ», опубликованной в марте 2015 г., писал о том, что подавляющее большинство мусульман шокированы жестокостью и расправами лидеров Исламского государства, объявляя его не-исламским или антиисламским. Реальность такова, считает Г. Вуд (и не только он), что Исламское государство является исламским, и «даже очень исламским». При этом он ссылается на слова профессора Принстонского университета Б. Хайкаля о том, что ислама как такового не существует. Есть мусульмане, и есть принципы, которые они защищают, и «ребята из ИГИЛ имеют на это основания, точно такие же, как и другие мусульмане»¹.

¹ The Atlantic, March, 2015.

Попробуем и мы разобраться с тем, насколько современный женский исламизм является исламским, есть ли у него основания заявлять себя таковым, а если их нет, то в чем ошибочность их взглядов. Первая попытка анализа феномена с позиций научного исламоведения содержится в моей книге «Черные флаги на черном ветру. Женский исламизм в ИГ: сегодня и завтра» [1]. Однако ситуация меняется стремительно и требует постоянного изучения.

До начала XXI в. круг вопросов, связанных с женской исламской активностью, не вызывал особых беспокойств ни у ученых, ни у политиков за исключением случаев участия женщин в террористических акциях. Но и здесь исследователи, в основном, склонялись к той точке зрения, что женщина выступала как послушное орудие, как автомат-исполнитель мужского приказа. Таковой была, в частности, общепринятая точка зрения по поводу чеченских террористок и смертниц. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе по той причине, что это были все-таки исключительные случаи, нежели целенаправленно организованная, и самое главное, самостоятельная женская активность.

Женский исламизм громко заявил о себе в начале нынешнего века, когда случаи привлечения женщин к террористической деятельности участились вне привычного ближневосточного и северокавказского круга («Норд-Ост» в Москве). Исламистки в своих программах заявляют: нет, и не может быть никакого взаимопонимания между исламом и западной демократией, так как понимание каждой из сторон

строится на совершенно разных идейных постулатах. Нет, и не может быть никаких общечеловеческих ценностей, так как ценности у двух миров – абсолютно разные. Речь идет уже не о политическом исламе и не о радикализме, а о новой, самобытной концепции современного общества и статуса в нем женщины. И хотя мы встретим в прокламациях исламистов все известные нам понятия, как женский джихад, женская хиджра, полигамия, хиджаб, права и обязанности мусульманки и прочее, трактовка их в ИГ отличается.

Женский исламизм сегодня является доступным для исследования. Если раньше о деятельности женских радикальных групп информация была засекреченной, то ИГ сразу же организовало эффективную пропагандистскую стратегию в отношении женщин. Потому у любого, кто заинтересовался этой проблемой, достаточно материала как со стороны adeptов ИГ, так и со стороны его непримиримых оппонентов.

Несмотря на то, что женский исламизм как феномен сформировался не так давно, в качестве объекта научного исследования его биография еще короче. Собственно говоря, первые специальные исследования появились в начале XXI в. Хотя уже с конца 80-х гг. XX в. около 40 % всех террористических операций в мире, независимо от их партийной принадлежности и идеологической направленности, проводились с участием женщин. Такой малый интерес к женскому исламскому радикализму объяснялся, по всей видимости, тем, что самые крупные и влиятельные исламистские группы, например, аль-Каида, не использовали женщин в террористических операциях, а если и использовали, то скорее, как исключение, чем правило.

В отношении научных исследований женского исламского радикализма отчетливо проявляется следующая тенденция – в основном они концентрируются на изучении радикализма, тогда как его исламская компонента остается лишь в качестве прилагательного. Не секрет, что большинство исследований ведется в рамках стратегических, контртеррористических и политологических центров, потому их главной целью является не столько изучение феномена, сколько противодействие ему.

Главный вопрос, который занимает умы политиков, богословов и ученых: что такое женский исламизм – очередной инструмент в руках глобалистов Запада и Востока? Или это все же самостоятельная форма исламской активности женщин, которые пока только так могут принять полноценное участие в решении проблем современности и своих собственных проблем? Это – тот круг в полном смысле слова жизненно важных вопросов, которые ставит и решает на свой лад женский исламский радикализм.

Одной из форм проявления женского исламизма является такой феномен как миграция женщин

в ИГ. Во многих источниках приводятся данные о том, что большинство активисток ИГ иностранного происхождения. Более того, в оборот ИГ уже введены соответствующие термины времен Пророка – мухаджиры и ансары². Как и во времена Пророка, так и сегодня среди них представлены и мужчины, и женщины. Соответственно, ансары – это население районов Сирии и Ирака, входящее в состав ИГ. Мухаджиры – те, кто мигрировал из различных стран, перейдя сирийско-турецкую границу. О том, что сегодня между ними, впрочем, как и во времена Пророка, немало противоречий свидетельствуют сами участники ИГ в своих блогах.

Женская исламская миграция в ИГ – это действительно новый феномен. И дело здесь не только в размахе (цифры на первый взгляд не такие уж большие), сколько в том, что это – результат продуманной стратегии ИГ, которая уже проявила себя достаточно эффективно и набирает обороты. Что касается самих цифр, то здесь – размах значительный – от 20 тысяч до 200 тысяч мигрантов обоих полов. Среди них по данным из разных источников, около 500 человек составляют только женщины из европейских стран.

Чаще всего данный факт объясняют тем, что молодежь таким образом выражает свой протест против психологии потребительства западного общества, которое заразило и поколение родителей нынешних молодых мусульман. Западные журналисты, аналитики и феминистки шокированы – почему девушки бегут из комфортабельного западного рая и обрекают себя на невзгоды, а возможно, и гибель?

Сегодня международные аналитики дружно пришли к заключению, что среди мигрантов представлены все социальные слои. Среди мигранток – выходцы не только из среднего класса, но и из верхних слоев общества. Представление об экстремистах и радикалистах как маргиналах, представителях низших слоев, ущемленных в своих правах в европейских странах, сильно поколебалось. Напротив, сегодня мы видим обратную тенденцию, когда маргиналы из Северной Африки и Ближнего Востока бегут как раз в Европу – через Италию, Францию в Великобританию, что сильно заботит руководство ЕС.

Тот факт, что среди мигранток в ИГ представлены образованные и социально активные женщины, позволяет нам понять, почему они занимают ключевые посты в женских формированиях ИГ. Например, Акса Махмуд, спикер ИГ. Мигрируя из страны, с величайшими рисками пересекая турецко-сирийскую границу, они становятся не только активистками женских движений, но и форпостами исламизма в покинутых ими странах. Они разворачивают сеть по вербовке новых мигранток, апеллируя к их недо-

² Мухаджиры – те, кто совершил переселение из Мекки в Медину. Ансары – это население Медины, принявшее мусульман, ислам и создавшее первую общину.

вольству бездуховностью западного общества и возможностью участвовать в социальном эксперименте – строительстве нового халифата. В последнее время акцент делается уже не только на вербовке, но и в создании ячеек ИГ в самих странах Запада.

Другим характерным для нынешнего исламизма фактом является то, что среди мигранток имеются как генетические мусульманки, так и конвертантки. Среди европейских девушек есть те, кто принял ислам в связи с выходом замуж за мусульманина. Но также имеются и такие, которые сначала мигрировали в ИГ, и уже там приняли ислам.

Проблема женской миграции беспокоит как западных политиков, так и мусульманских шейхов и государственных деятелей. Так, недавно появился материал, в котором аналитики независимого института «Международная кризисная группа» (МКГ) отметили нарастающее стремление идеологов ИГ вербовать своих сторонников в Центральной Азии. Эксперты МКГ беспокоит тот факт, что призывы присоединиться к джихаду в Сирии и Ираке, имеют едва ли не больший отклик в сердцах молодых женщин. Отчасти это объясняется тем, что вербовщики в последнее время предпочитают уделять внимание именно женщинам. Одна из причин этого заключается в том, что им проще, чем мужчинам передвигаться в международном пространстве, их меньше подозревают в радикальных настроениях или поддержке терроризма. Словом, женщины представляют для террористов особую ценность и становятся специфическим инструментом. По данным спецслужб региона проживания курдов, имеются случаи, когда к Исламскому государству присоединяются целые семьи.

В результате моих исследований, проведенных в последние десятилетия в России, выяснилось, что семья не является главным источником воспроизводства не только исламизма, но даже и исламской религиозности. Многие молодые радикалисты, в особенности в западных странах, обвиняют свое семейное окружение в чрезмерной «весттоксикации» – отравлении западными ценностями. Не семья, но молодежная мусульманская община является на сегодня главным каналом воспроизводства и мусульманской религиозности, и исламизма. Причем, очень часто это – община незарегистрированная, а то и подпольная (неофициальный ислам).

Точно также и в результате многих исследований, проведенных на Западе, выяснилось, что первое влияние радикализма начинается в подростковом возрасте. Главным образом воздействие совершается через сверстников или радикально настроенного шейха, разумеется, через исламистские сайты в Интернете.

Что касается девушек, то их в эти молодежные общины, как правило, привлекают либо молодые люди, либо мужья. Причем, в последующем эти молодые женщины уже сами привлекают своих подруг,

родственниц и создают автономные женские группы. При этом, конечно же, имеется немало случаев, когда экстремистские взгляды передаются в семье по наследству, что, скорее, характерно для ближневосточных стран.

Радикальная исламизация означает появление «исламских женских движений, которые будут направлены на изменение общественной жизни с точки зрения исламских норм и ценностей» [2, с. 356]. Статус и роль женщины-мусульманки, ее права и обязанности, смысл жизни и назначение определены в Коране и хадисах. История мусульманского мира показывает нам, насколько менялась трактовка этих понятий, несмотря на то, что Коран и хадисы по-прежнему почитались в качестве главного источника. Женщины играли важную роль в эпоху раннего халифата, однако затем на долгие годы оказались отчуждены от активного участия в политической, экономической и культурной жизни, ограничиваясь рамками дома и семьи.

Сегодня проблемы, стоящие перед мусульманками, серьезно различаются в зависимости от того общества, в котором она живет. Статус женщины в традиционном исламском обществе (например, Саудовская Аравия) порождает один круг вопросов; а положение мусульманки в условиях западноевропейской диаспоры (Франция) – совершенно другой. Российские мусульманки, женские движения и группы затрагивают принципиально иные проблемы.

Если в первом случае наибольший ажиотаж вызвал такой, казалось бы, не первостепенный вопрос, как право вождения автомобиля, то во втором до последнего времени самые острые дискуссии разворачивались вокруг права носить хиджаб в учебных заведениях или общественных местах. Российские мусульманки больше всего озабочены сохранением культурного и национального наследия своих народов, например, национальных языков, традиций. Один из дискутируемых вопросов внутри общины мусульман России – о межнациональных браках, воспитании детей мусульманами в таких семьях. Эти проблемы в арабском, индонезийском или малазийском окружении, да даже и в европейских диаспорах, если и возникают, то чрезвычайно редко.

Целый ряд громких и страшных террористических актов начала нынешнего века с участием шахидок, главным образом чеченок, вызвавших шок в России, не был абсолютно новым явлением для мира ислама. Случаи женского терроризма имели место в радикальных движениях, группирующихся вокруг освобождения Палестины еще в 60-70-х гг. XX в.

Повторюсь, в целом общий тон рассуждений о роли мусульманок в мировых событиях был достаточно спокоен. Утверждалось, что женщина в силу своей природы заинтересована в стабильности, мире и безопасности, спокойствии и благополучии семьи и детей. Таким образом, женские движения

в мире ислама, выступающие за общечеловеческие ценности, неизбежно должны были привести к диалогу и конечному взаимопониманию и сотрудничеству с демократическими женскими движениями во всем мире, в особенности на Западе.

Под лозунгами многополярного мира и мультикультурализма обосновывалась идея адаптации мусульманских женщин в современный цивилизованный мир. Особенно верным это казалось в отношении мусульманок европейских диаспор. Постепенное превращение религии в сугубо частное дело не должно было мешать основным формам активности – политической свободе, экономическому равенству, доступу к образованию, информации, финансам, бизнесу и проч. Словом, феномен секуляризации в социальной сфере с сохранением ислама в сугубо частной, духовной сфере казался необратимым.

Ситуация резко изменилась в связи с тем, что женский исламизм стал уже не единичным проявлением, а закономерностью. Сначала ХАМАС объявил о создании «Хизб аль-халас аль-ватани аль-ислами» (Исламской национальной партии спасения) в Газе³. Внутри партии было сформировано «Даира аль-амаль аль-нисаи» (Управление по делам женщин). Это было нечто новое в истории исламских движений, в частности, Братьев-мусульман, стоявших у истоков ХАМАС. До этого никаких специальных женских подгрупп или отдельных формирований не существовало. Как не было и идеологического обоснования автономной женской активности. Правда, это управление, повторим, действовало только в Газе.

С тех пор женские исламские группы стали самостоятельным и набирающим обороты феноменом на богатой и пестрой палитре радикализма в мире ислама. Причем, они не только заняли самостоятельную позицию, но и создали для себя самобытную идеологию, обосновывающую их появление и активность. Несмотря на то, что в основе этой идеологии или даже программы лежат все те же аяты и хадисы, апелляция к трудам богословов, как правило, одного и того же круга, но это – все-таки новый феномен, который мы пока условно определили как женский исламизм.

Первые женские исламистские группы появились в ливанском Хизболлах, в египетских Братьях-мусульманах, позднее в палестинских джихадистских группах, ХАМАС, аль-Каиде, но они еще не создавали свою собственную идеологию и отличные от мужчин политические программы⁴. В качестве главных причин женского терроризма эксперты-аналитики и ученые выдвигали личностные факторы: мо-

³Ныне она прекратила существование.

⁴Об этом говорится в публикации 2007 г. двух исследовательниц Центра ближневосточных исследований Карнеги – Омайямы Абделлатиф и Марины Оттавей, которая носит название «Женщина в исламистских движениях: исламистская модель женской активности» [3].

тив мести за погибшего отца, брата, мужа, либо за саму себя, если женщина подвергалась унижениям или сексуальному насилию. Иногда женщина вступала в террористические группы, следуя за близким мужчиной или даже по принуждению семьи. Иными словами, это была «вторичная» мотивация, так как под первичной мы понимаем не личные, а чисто исламские, радикальные побуждения. Именно они в большей мере характерны для нынешнего женского исламизма.

Продолжением этой тенденции, но на принципиально новых основаниях, стала женская исламская активность нынешнего столетия. В мае 2004 г. ведущий богослов, ученый, пропагандист мусульманского мира шейх Юсуф Карадави выпустил фетву, согласно которой участие женщин в террористических актах является формой джихада, и она может участвовать в нем даже без согласия мужчины⁵. Женский исламизм развернулся во всех направлениях: в сфере военных действий, в политике, в миграции, в пропаганде, в образовании и даже здравоохранении.

В первом десятилетии нынешнего века начал выходить в свет женский электронный журнал «аль-Хансаа». У истоков его создания стояли женщины радикальных взглядов. Один из первых номеров был посвящен призыву к женскому джихаду. В публикациях и воззваниях говорилось, что наряду с традиционной женской ролью матери, воспитательницы, помощницы супруга, возрастает ее значение как пропагандиста, проповедника, воительницы, солдатки джихада.

Мы можем со всем основанием говорить о том, что женская активность как внутри самого ИГ, так и вокруг него, стала не только неожиданным, но и неожиданным феноменом для политиков, ученых, исламоведов во всем мире, в том числе и мусульманском. Во многом это объяснялось тем, что в западном мире, да и в России тоже, существовал прочный стереотип, согласно которому женщине не разрешается участвовать в джихаде. Между прочим, и сегодня имеются радикальные группы, которые не принимают женщин в свои ряды.

Одним из ярких проявлений женского исламизма ИГ стал небольшой документ, появившийся в глобальной сети в марте 2015 г., который носит название «Аль марра фи дауля исламийя (рисаля ва такрир)», «Женщина в Исламском государстве (послание и конкретное исследование)». Для простоты мы будем применять название, которое закрепилось за ним в западных СМИ – манифест.

Манифест появился и циркулировал на арабском языке, так как его целевая аудитория – это, в первую очередь, женское население стран аравийского полуострова. Однако довольно скоро последовал

⁵Отношение Ю. Карадави к ИГ, равно к и к современному исламизму, – это отдельная тема исследования, к которой мы намерены обратиться.

квалифицированный английский перевод с комментариями, запущенный в сеть британской антитеррористической организацией Киллиам (*Qilliam foundation*). Немного позже на одном из радикальных исламистских сайтов появился еще один «документ» – объявление джихада Киллиам. Если вспомнить недавнюю трагедию с «Шарли Эбдо», то это – уже реальная угроза.

Мы уже сказали о том, что тенденция женского исламизма стала проявляться еще до формирования ИГ. Однако тогда это была только тенденция, сегодня это – уже самостоятельное явление. Можно предложить различные варианты названия – женский исламский радикализм, женский джихадизм, мусульманский феминизм. Впрочем, дело не в названии.

Для характеристики разнонаправленных радикальных исламских движений на сегодняшний день терминологии предостаточно – тут и ваххабизм, и салафизм, и хариджизм, джихадизм, апокалипсизм, исламизм-утопизм, а теперь еще и хусизм. Вот только проблема заключается в том, что за всеми этими «измами» стоит ислам, и все участники этих, еще раз повторюсь, разнонаправленных движений называют себя мусульманами, причем, истинными, правоверными. Так стоит ли вводить еще одно название? Полагаю, стоит, так как активизация женщин – участниц радикальных движений и групп – поднимает ряд специфических проблем, касающихся женщин, рассматриваемых с женской точки зрения, и решаемых с позиции женщин и в их пользу.

Проблема определения понятий заключается в том, что и в самом женском исламизме на сегодняшний момент представлено несколько течений. Для одного из них вполне уместно название, которое – женский халифатизм. Смысл его заключается в том, что в отличие от исламисток или, например, фундаменталисток, активистки ИГ не ограничиваются идеализацией халифата и призывами к его восстановлению; они с автоматами в руках стремятся установить его вопреки всем объективным и субъективным препятствиям.

Другое крыло исламизма – еще более радикальное – заслуживает дефиниции женский джихадизм. Его сторонницы в качестве своей главной цели провозглашают джихад как наиболее верный и короткий путь к джаннат – райскому блаженству. В первой декаде апреля в Интернете появилось видео, которое показывает женский тренировочный лагерь в окрестностях Алеппо. Около 60 женщин в никабах и с автоматами Калашникова в руках скандируют «Аллаху акбар» и произносят воинственные лозунги. Смысл их заявлений заключается в том, что они желают защищать ислам плечом к плечу с мужчинами от дьявольских правителей (в первую очередь, Башара Асада) и всех, кто их поддерживает. «Мы учимся стрелять и правильно обращаться с оружием, – говорит в камеру джихадистка, – и мы будем

воевать наравне с мужчинами, потому что роль женщины не менее важна, чем мужчины».

Акцент на то, что женщина сама вправе принимать военные решения, не дожидаясь мужского приказа; не только поддерживать мужчин, но и опережать их в битве с неверными, особенно в том случае, если мужчина проявляет нерешительность, характерен для многих высказываний активисток ИГ.

Женский исламизм и исламский радикализм проявляется не только в ИГ. Так, например, из 21 теракта, совершенного смертниками курдской ПКК в Турции, 14 были проведены женщинами. Это свидетельствует о том, что женский исламизм – это объективное, в каком-то смысле закономерное развитие женской исламской активности, которая ищет для себя новые формы. И в этом смысле он – женский исламизм – конечно же, гораздо шире «заказного продукта» глобалистов, как бы они не стремились представить его именно так.

В статье американского исследователя Ш. Хамди из Центра ближневосточной политики говорится о том, что часто повторяемая мантра «ислам – религия мира», никак не сможет изменить того факта, что современные исламисты – это именно исламисты. Для них ислам имеет огромное значение «он заставляет колеблющихся переходить на сторону ИГ, он вдохновляет на смерть в бою, он оправдывает убийство, он позволяет выстраивать стратегию и даже принимать военные решения» [4].

Нередко в мировых СМИ можно встретить размышления о том, что попытки создания нового халифата являются вариантом «исламской утопии». Идеалы социального равноправия, создание внеклассовой и наднациональной, а также многоязыковой общности, в основе которой лежит общность идеи – таковы признаки утопии. В этом видят одну из причин привлекательности новоявленного халифата для молодежи.

Однако анализ идейной платформы современных исламисток свидетельствует об иной тенденции – исламского тоталитаризма. Эта тенденция не была присуща исламу на ранних этапах его развития. Отрицание научных и культурных достижений всех цивилизаций, включая исламскую, апелляция к строго ограниченному кругу имен богословов, трудов по исламской теологии являются подтверждениями этой тенденции. Тоталитаризм, возникающий на любой идейной основе, не так уж сильно различается от страны к стране, от эпохи к эпохе. Хорошо известный хадис Пророка Мухаммада «Ищите знания даже в Китае», вероятно, будет объявлен исламистками недостоверным. Они выдвигают свою собственную концепцию истории ислама, и возможной перспективы его развития. Впрочем, перспективы их не особенно заботят, ведь для них земная жизнь, ни своя, ни чужая, не имеет самостоятельной ценности.

Литература:

1. Балтанова Г.Р. Черные флаги на черном ветру. Женский исламизм в ИГ: сегодня и завтра. – LAP, 2016. – 108 с.
2. Балтанова Г.Р. Мусульманка. – М.: Логос, 2007. – 405 с.
3. Abdellatif O., Ottaway M. Women in Islamist Movements: Toward an Islamist Model of Women's Activism // Carnegie Middle East Center. – 2007. – № 2. – June. – 45 p.
4. Hamid Sh. Temptations of Power: Islamists and Illiberal Democracy in a New Middle East. – Oxford University Press, 2014. – 310 p.
5. Балтанова Г.Р. Руководство молодой мусульманки. – СПб: Изд-во Диля, 2010. – 224 с.
6. Балтанова Г.Р. Манифест мусульманских женщин // Высшее образование сегодня». – 2015. – № 5. – С. 55-60.
7. Балтанова Г.Р. Открытое письмо лидеру исламского государства // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 6. – С. 7-12.
8. Балтанова Г.Р. Исламская критика нового халифата // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 171-175.
9. Karam A. Women, Islamism, and the State. – N.Y.: St. Martin's Press, 1998. – 219 с.
10. Wood G. What do ISIS really want? The Atlantic, September, 2014. – URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980/>

Female Islamism as the Phenomenon of the 21st Century**G.R. Baltanova*****The Kazan State Power University***

The paper dwells upon the phenomenon of female Islamism, which emerged in the second half of the 20th century but reached its peak in the 21st century in the activities of the Islamic State terrorist group. The author analyzes variously directed female Islamist activities and their religious justification in holy books.

Key words: female Islamism, terrorism, radicalism, Caliphatism, Islamic State.

